

...Видимо, у жюри и у тех, кто с восхищением отзывался о данной подборке, представление о стихах Дмитрия иное...

Наталья ТРОЯНЦЕВА

ВДРЕБЕЗГИ

А теперь я хочу подробно остановиться на подборке [«Не грусти, златоуст» Дмитрия Близнюка](#). Она не вошла в ТОП-32, но отмечена в качестве лауреатской. Начинаю с первого стихотворения, обозначенного **«Молния в стакане»**. Подчеркиваю – молния в стакане.

У каждой, самой необычайной, метафоры должна быть своя логика возникновения и развития. Какие ассоциации рождает это название? По-видимому, стакан наполнен водой, вода – проводник электрического тока и при определенных обстоятельствах такое явление, как молния, возможно. То есть, в неточности автора тут не упрекнешь. А поскольку речь в стихотворении идет о взаимоотношении мужчины и женщины, следовательно, стакан либо - женщина, либо – их интимный альянс.

Дальше – констатация:

*Хочу тебя бросить,
как камень в озеро,
но не могу. К утру я сам - выжатый камень,
завернутый в мокрую простыню...*

Идет образный ряд, никак не связанный с названием стихотворения и некорректный по сути – «выжатый камень, завернутый в мокрую простыню» - образ эффектный, но нелепый. То есть тонкий намек на бурно проведенную ночь налицо, но высказан он неуклюже. Далее следует подробное описание любовной схватки... двух механических циклопов, никак не менее –

*Я проделал в тебе огромную дыру. И попался.
Женщина-капкан с промасленными волосами-зубцами.
Твои соски оставляют вмятины на моей щеке,
как шипы от футбольных бутс.*

Так и рисуется гигантское зубчатое зацепление, лохматое к тому же, всё в машинном масле, с шипованными грудями...Оооооой.... Ужас! И оно к тому же «на кухне мурлычет, готовитеду» ...

И тут – самое интересное. Партнер этого чуда-юда, оказывается, «изумрудный жук». Но не просто там какой-то жук навозный, они имеют это самое изумрудное свечение, а

*... изумрудный жук
внутри большого пустого шприца,
и кто-то медленно вдавливая поршень -
бежать некуда, а впереди твой пупок,
через который сочится любовный сок,
как сквозь иглу.*

Если обратится к началу стиха, получается, что выжатый камень превратился в изумрудного жука, которого кто-то втиснул в шприц, внутри которого – следите за логикой! – находится еще и пупок того самого зубчатого монстра, о котором мы уже кое-что узнали. И вдобавок ко всему пупок – это и есть, собственно, шприц, через иглу которого сочится... ффффууу... мое воображение сдается.

Но это еще не все.

*Когда я остаюсь один -
бутафория одиночества из желтого картона -
я пишу о тебе, надеюсь,
что ты растворишься в словах, как в кислоте;
стрекозой перепрыгнешь из реальности на монитор
(переливаю впечатления, точно донорскую кровь
невидимому раненному божеству).*

Вот скажите на милость – «бутафория одиночества из желтого картона» - это что такое? И вот эти два образных ряда – камень, жук, бутафория одиночества; камень, механический монстр, шприц, растворившаяся в кислоте стрекоза на мониторе? И откуда взялось «невидимое! раненое!» – тут одна «н» - «божество», которому лирический герой переливает донорскую кровь каких-то неведомых впечатлений.

Абсолютная бессвязность понятий торжествует в дальнейшем изложении, обрастая новыми нелепостями.

*В минуты страсти
мы вдвоем внутри одной горячей кожи
ворочаемся, обвиваемся,
пытаемся растечься друг по другу.
Так близнецы бы в утробе нежно стучались лбами...*

«Вдвоем внутри одной горячей кожи» - просто бессмыслица. Сопоставление «пытаемся

растечься» и «близнецы стукались» сродни понятиям «медовый шар» или «плоская жидкость». Дальше – «нежность», «когти», «бриллиант выдоха», уроненный на шею, «благодарное остервенение» ...

Помимо приведенных несоответствий образного ряда, страдает собственно логика. Вначале – описание вместе встреченного утра, тут же – впечатления ночи и противоречивые ощущения, затем – отстранение творческого «эго», снова – «минуты страсти», снова – отстранение и тут же – совмещение, соединение в бытовой сценке. Сюжетная канва бессвязна даже в таком логическом ряду воображаемого бытового обихода:

*Редкостны часы, когда мы вместе. Ты знаешь, что сейчас ходишь
полуголая в моих стихах, ищешь затерявшуюся серёжку или трусики,
снимаешь цепочку, чтобы не путалась в волосах.*

Лирический герой говорит – ты знаешь, что сейчас – в моих мыслях. Значит, герои вместе, пусть и в воображаемом пространстве, наполнены мыслями друг о друге. Слово «редкостны» выпадает из пассажа. Далее, последовательность действий героини – ходит, ищет трусики, означает: *одевается* после очередной любовной сценки. И тут же – *снимает* цепочку. И мы опять понимаем, что нам рассказывают ни о чем.

«Женщина должна чувствовать себя внутри ... флакона или внимания» - вывод, лишенный хоть какого-нибудь осмысленного основания

Как это – «внутри внимания»? И снова нелепица бессвязных тропов: «цветок, сосущий свет», «медуза времени»; ниоткуда выскочивший «гепард», которого ниоткуда взявшийся ребенок будто бы «тягает за усы» и герой, который жалуется: «*и я ничего не могу сделать, просто - не хочу ничего менять*».

И снова поток напористых эмоциональных и невнятных тропов – «обнаженная сабля без рукояти» (м.б., без ножен все-таки, без рукояти – это не сабля, а - обломок), «Ева» и одновременно «змея-соблазнительница», «самка богомола», «ёж», «граната».

Загадочное выражение «*песочные часы инкарнаций из пустого в порожнее*».

В завершение же, категорически вопреки логике активного со-присутствия, вдруг, ни с того, ни с сего:

*И мы, обнявшись на кухне, исчезаем в солнечном свете,
текущем сквозь французское окно.*

И не просто «исчезаем», а
как символ, -ЧЕГО?

как картина, которую медленно протирают ваткой, смоченной спиртом времени.

- А КАРТИНА ОТКУДА, РЕЧЬ О СТИХОТВОРЕНИИ БЫЛА...

И в заключение – эффектная сентенция:

*Идешь к женщине - не забудь
отдать ей половину королевства.*

Так. Начнем сначала. Молния в стакане. Камень. Монстр. Жук...кажется, из желтого изумруда с бриллиантовым дыханием...Граната из ежа без рукоятки, но с самкой богомола. Половина королевства. Короче, песочные часы инкарнаций из пустого в порожнее

Второе стихотворение подборки – «**Антимотылек**». При анализе текста мне очень хочется удержаться на плаву понятия «антивыпендрей», несмотря на то, что автор всячески провоцирует на соответствие противоположному. Итак, осторожно вplyваем в изложение.

Тьма сгущалась наискосок,

*будто кто-то играл каприччио Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка - на одном вибрирующем сгустке теней.*

Чрезвычайно эффектно выстроенная конструкция с подробно перечисленным отсутствием всякого присутствия. В самом деле, что может быть прозаичнее заката: ну, потихоньку темнеет, небо играет красками, облака непрерывно меняют форму и цвет. Поэтому – это не закат, а антизакат. И тогда – не сумерки, а сразу и ниоткуда – «тьма», да еще – «наискосок». И безрукий антискрипач играет «на... вибрирующем сгустке теней». Собственно, тут удлинённая к вечеру и как бы косая тень перепутана с тьмой, «вибрирующий сгусток» - вероятно, тень от колышущихся под ветром ветвей, но о них – ни слова.

Смешение зрительного и слухового образов вполне допустимо, если в этом смешении есть внятный смысл. Почему именно этот закат вызывает ассоциацию именно с Паганини, автор не объясняет. Так же неясно, с чего вдруг

*... хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.*

Тем более, что, оказывается, автор нас ввел в заблуждение. Он описывает «Антивечер». По-видимому, нечто абсолютно противоположное этому времени суток, например, утро. Хмурое утро или темные тучи накануне грозы в другое время дня, хотя, при чем тут «тьма наискосок»...

Дальше – ожидаемый сумбур, все наоборот:
*Антимотылёк летит на свет антисвечи,
в комнатах все вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала - внутренности зеркального карпа.*

И пошло-поехало. Смешались в кучу кони, шторы, пыль и водопой, телевизор и кровавые бинты бетонных стен, распаренные почему-то...

*Шторы, будто кони, пьют светящуюся пыль у сонного водопоя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину - звуковой кровью*

сквозь бетонные распаренные бинты.

Текст набит небрежно сформулированными и приблизительно обозначенными парадоксами и для того, чтобы понять, о чем, собственно, речь, приходится подключать собственную фантазию и выстраивать свои ассоциативные ряды. Это – единственное достоинство данной подборки: она побуждает к противостоянию бессмыслице.

Наконец, третье стихотворение, собственно, «**Не грусти, златоуст**», центральное в подборке.

Снова – эффектный парадокс:

*Сельская тишина - толстый бутерброд с маслом,
щедро присыпанный сахаром луговых стрекоз.*

Войдет в анналы. Тишина - толстый бутерброд с маслом, да еще и с сахаром стрекоз. Так сказать, три слоя тишины. Самое смелое воображение до такого не дотумкает. И снова я начинаю дописывать за автора – видимо, он имел ввиду сельский пейзаж, отстраненное умиротворение пленительного созерцания луга, горизонта, неба... снова луга... Но автор не дает мне расслабиться и строго констатирует:

*В ближайшие сто лет здесь ничего не произойдет,
в futuresimple тебя никто не ждет.*

Так. Хорошо. Я уже настроилась на неизбежность медитативного ничегонеделания – а зачем, если «ничего» и «никто».

И тут автор набрасывается на меня и с неожиданной силой рисует образы устрашающе фантастические: «красноватая синева... с повышенным гемоглобином», «ржавые болты» луны, «лунная пыль со вкусом... смытого мыла» на коже девицы, звезды с клешнями - и парочка, поедающая друг друга.

*Только внезапно нахлынет красноватая синева вечеров
с повышенным гемоглобином,
и зашевелиятся хищные звезды, задвигают клешнями -
настоящие, страшные звезды,
а не мелкое городское зверье в намордниках смога.
И луна привинчена ржавыми болтами к небесам на века,
как баскетбольное кольцо,
и филин летит слишком низко - не достать трёхочковым броском.
Парочка поедает друг дружку под темным окном;
кожа плотной девицы с толстой косой
покрыта лунной пылью - со вкусом плохо смытого мыла;
поцелуи грубы и жадны, сладки и приторны, как рахат-лукум.*

И я уже почти привыкаю к этому паноптикуму новоявленных чудищ. Как говорил Шалапин – я не знаю, что значит «конный матрос», но бежать из России надо. Бежать нужно из этой трехслойной тишины. Как вдруг – снова нечто вроде блаженной неги, но уже – с ощутимым нервом некоего садистского наслаждения.

*Вокруг разлито такое опьяняющее постоянство,
что ты не отличаешь дня от ночи.
И днем весь ландшафт, куда ни глянь,
голубой газовый шарф с запутавшимся воробьем;
коза улеглась на старой будке,
петух важно бродит по двору с хлястиком мозга наружу.
А по ночам упрямый мотылек
бьется головой об освещенное стекло,
как буйнопомешанный ангел в мотоциклетном шлеме
о стену.*

Дальше я не стану разбирать. Поскольку тут снова воспроизводится сумбур ощущений и кутерьма случайно состыкованных образов. На мой взгляд, очевидное самолюбование автора каждый текст делает не просто проигрышным, а, подчас, смешным. Стремление

Наталья ТРОЯНЦЕВА. "Вдребезги";

Автор: Субъектив
06.05.2015 21:07

подчеркнуть собственную необыкновенность дает впечатление ровно обратное. Видимо, у жюри и у тех, кто с восхищением отзывался о данной подборке, представление о стихах Дмитрия иное. Интересно будет обменяться впечатлениями и поспорить.